

ДЕКАБРИНА ВАН КЕРН

Пикет у Академии Наук

Мы с А., подругой, подошли к парадному входу Академии Наук без десяти семь. Пикет был назначен на 19.00. Первое, что бросилось в глаза — машины телевизионщиков. Ren-tv, ТВЦ, НТВ. Я насчитала 6 видеокамер и около 25 человек репортеров.

Еще до начала пикета мы с А. подошли к милиционерам. Расспросили их о том, какое мероприятие сегодня будет проходить, и что они будут делать. Ответ был краткий: «Обеспечивать порядок». «Что означает, обеспечивать порядок?», — спросила я. «Не допускать нарушений», — ответили мне совсем неразговорчивые люди в синих погонах. Кстати, у человека, отвечавшего на вопрос, была одна звезда, у некоторых — по две. Потом этот молодой человек с одной звездой все-таки разговорился, сказал, что люди «будут митинговать. По заявке. А так...». Я заметила, что участников пикета не очень много. «Ну это так часто бывает. Заявляют одно число, 200 человек. Потому что иначе это пикетом не обзовут, если придет 10 человек. И нас будет тогда 10». «А часто...? Сколько вообще раз в жизни вы ходили на пикеты?» — спросила я. «Нууу, ну раз 7, наверное». «Мы ходим не только на пикеты. На все мероприятия», — добавил другой милиционер.

— А бывает, что вы проникаетесь к участникам пикета?

— Нет. Как я могу это сделать, если я нахожусь в форме?

— А как человек? Бывает, что поддерживаете? Или нет? Ну, если, допустим, у вас формы бы не было?

— Нууу бывает. Особенно, когда увеселительные мероприятия проходят, — на что мы вместе с ним улыбнулись.

— Например, футбол?

— И футбол — интересное занятие.

— Спасибо большое. Мы надеемся, что вы нас не арестуете, — после этой фразы улыбнулся не только наш собеседник, но и его коллеги в форме.

— А вы торговцы белого золота?

— Нет. Мы социологи, мы исследуем. Спасибо.

Вообще было как-то до странности тихо. Без криков и шуток со стороны пикетчиков, которые потихоньку подтягивались к площадке перед Академией. Мы с А. увидели нашу знакомую Л. и подошли поближе к участникам пикета. Журналисты встали вкруг, обступив какого-то человека. Потом выяснилось, что перед телевизионщиками выступал З., у которого я буквально в субботу брала интервью. Около меня стояло много людей. И я спросила у девушки, чему посвящен пикет.

Я: По какому поводу вообще пикет?

Девушка: По поводу... Мы поддерживаем то письмо, которое было направлено, письмо от академиков нашему президенту Путину. По поводу, естественно, того, что, к сожалению, в наше время церковь даже в светское государство, как это известно... Вот вам лучше молодой человек расскажет.

Молодой человек лет 30-ти: Сама по себе идея преподавания детям основ религиозной культуры, которая в формировании исторического облика народа, конечно, внесла большой вклад, она осмысленная. Но это должна быть культурологическая программа, которая преподает детям факты, как и вообще в школе учат, должно быть преподавание фактов, не привязанное к конкретной конфессии. То есть если бы это был курс основ религиозной культуры, в которой пропорциональное влияние на формирование там русского народа, российского народа многонационального. Включались основы..., там 80% христианства, 20% ислама, там каких-нибудь 5 или 3 иудаизма, это было бы осмысленно. Это не должно быть привязано к конкретной конфессии, и это не должно быть вероучительным курсом. Навязывание религиозных ценностей в школе прямо противоречит отделению церкви от государства. Сторонники этой идеи, они просто смешивают необходимость информирования о важных, действительно, аспектах с попыткой подменить это непосредственным внедрением религиозных норм, догматов в сознание детей. Что неприемлемо. При этом если отдать это дело церкви, и сделать это курсом, привязанным к конфессии основ православной культуры, то это получится именно вот...

Я: А вы из Академии?

Молодой человек лет 30-ти: Я не из Академии. Я из военного клуба, но мы поддерживаем. Мы не организаторы, но поддерживаем. То есть ученых. Акция поддержки.

Я: Понятно. Спасибо.

Через несколько минут пикетчики начали кричать лозунги: «Россия светское государство!» «Россия светское государство!» «Россия светское государство!» «Россия светское государство!» «Россия светское государство!»

Я увидела активистку Б. и подошла к ней.

Я: А ты обычно кричишь? Или нет?

Б.: Обычно кричу. Когда на той стороне. Когда не одна, — Б. с молодым человеком, который, как выяснилось потом, является участником организаций Legal Team, ГРОЗА, а также выпускником Бауманки, работающим программистом, стояла немного поодаль от основной группы участников пикета, напротив них.

Я: А там ограниченное количество участников?

Б.: Да, нет. Надо просто все-таки лицом к РАН стоять. Не с журналистами же. Ну да ладно. Мы стоим здесь.

Я: Знаешь, так получилось, что журналистов столько же, сколько и участников.

Б.: Удивительно, кстати.

Я: Да, да, да. Значит, хорошо осветят все в СМИ.

Б.: Мг. Мы ждем православных этих радикалов. Потому что был призыв на одном сайте, приходиться бить.

Пикетчики стали выкрикивать уже другой лозунг: «Религия вон из школы!» (5 раз)

Я: А милиция..? Менты вообще защитят, если что?

Б.: Ну я подходила, попросила. Говорю... Я рассказала им всю ситуацию, говорю, вот вы в состоянии обеспечить безопасность. Они сказали, да.

Человек, стоящий с Б. проговорил: Коль, Кольчик, может, лицом к РАН все-таки развернетесь.

Б.: Идите к нам! У нас тут..! (Посмеялась) От нас лучше видно!

И пикетчики переместились на то место, где мы разговаривали с Б.

Я переключилась на высокую женщину в очках, оказавшуюся около меня.

— А Вы тоже из РАН?

— Нет.

— Ааа... просто пришли поддержать?

— Я из комитета защиты Трепашкина. Знаете такого?

— Если честно, то нет.

— Ну как же? Обвинен. Причастность к взрывам в ФСБ. Адвокат.

А вы из какой газеты?

— Нет, я не из газеты. Я веду исследование. Я социолог.

— А хотите мы вам будем рассылку присылать о Трепашкине?

— Да. Давайте.

— Давайте свой адрес. А хотите я вам свой дам?

— А это вообще как? Организация какая-то общественная?

— Да. Это общественная организация.

— Активистская?

— Я недавно присоединилась.

— Нет, в смысле, активистская?

— Общественный комитет Трепашкина. Мне дали такое поручение: узнавать адреса тех, кто интересуется проблемой и рассылать рассыл-

ки. Вот у меня только сейчас 13 адресов. Пойду, когда будет круглый стол в независимом пресс-центре, вот пойду еще возьму.

— А чем занимаетесь Вы?

— Мы защищаем. Мы, значит, пишем письма в зарубежные правозащитные организации.

— Ну правозащитная у вас организация? Да?

— Да, да. Правозащитная, конечно.

И мы обменялись e-mail'ами.

— Пишу: рассылка о Михаиле Трепашкине. У него бронхиальная астма, ему лекарства не дают, колют стимуляторы, которые плодотворствуют, и через некоторое время человек умирает. Вот. У него пятеро детей. Из них — двое несовершеннолетних. А главное — фальсифицировали его дело.

— А вообще вы поддерживаете мероприятие, которое здесь проходит.

— Да, — уверенным голосом ответила женщина, — конечно. Я даже плакат собственный сделала, — только она его не достала из пакета.

— А какой лозунг?

— А у меня на плакате цитата Виталия Лазаревича Гинзбурга.

— Может быть, произнесете, какая там цитата.

— Так. Что у меня там. «Будущее России — в развитии науки!»

Я отправилась на поиски А., которая делала фотографии данного мероприятия.

Неожиданно я оказалась рядом с необычной, как мне показалось на первый взгляд, девушкой. Я узнала потом, что ее зовут К.

Я: А вы тоже поддерживаете?

К.: Да, конечно.

Я: А вы из какой организации?

К.: Из ЛГБТ rights.

Я: Из какой?

К.: ЛГБТ rights.

Я: Я просто ничего не знаю, расскажите мне, пожалуйста.

К.: Ну я вообще-то как бы... у нас есть люди, которые интервью дают. Я вам могу просто так рассказать.

Я: Да. Мне просто так и надо.

К.: Хорошо. ЛГБТ rights — это организация в защиту прав лесби и геев. Соответственно, однополые союзы. Ну это, конечно, самая такая последняя степень. Первоначально нужно преодолеть всю гомофобию, которая в обществе находится. А это, к сожалению, только возможно публичными акциями в данный момент. Вот. Ни в одной стране не проходило все гладко и сразу. Мы вот только начинаем. Можно сказать второй, третий год.., — у К. зазвонил телефон. И она стала говорить в стороне.

Рядом появились А. с Л. Л. беспокоилась за Р., который, по ее словам, «главный враг «пней», то есть ДПНИ. Мы поболтали, наверно, минуты

две, перекинулись впечатлениями. И продолжили опрашивать людей. Следующими респондентами оказалась группа, стоящая у бордюров в гражданской одежде.

Я: Здравствуйте.

Крепкий коренастый мужчина похожий на спортсмена сразу спросил: Что это за опрос у вас такой интересный?

Я: Мы социологи. А вы вообще из какой организации? Поддерживаете или против..?

Мужчина: Поддерживаем. Мы из Greenpeace'а, — ответил этот человек как-то с издевкой что ли. Он соврал. Это было понятно.

Я: Поддерживаете? Как здорово, — и мы посмеялись с А. почему-то. — Ну правда, вы поддерживаете? Или нет?

Человек: Кого?

Я: Акцию, которая проходит.

А.: Митингующих. Пикетирующих.

Человек: А что они хотят, я так вот не пойму. Они собрались. Что они хотят?

А.: Они поддерживают академиков, которые написали письмо против...

Я: Того, чтобы в школах вводили религию. Кажется, так.

А.: Да.

Человек: А вы как? Поддерживаете?

Я: Ну мы социологи. Мы не можем...

Человек: Вот вы мне задаете вопрос, а я вам обратно задаю.

Я: Хорошо.

Человек: Поддерживаете?

Я: Мы вам скажем, а потом у вас будет какое-то мнение предвзятое. Мы не хотим влиять на ваши представления.

Человек: А мое-то, что представление? Мы из ФСБ, нам-то что?

Я: Аааа. Понятно.

Человек: Так что ваше мнение. Вы поддерживаете или..?

Его коллега: А в каком вы институте учитесь?

Мы с А. в один голос: В МГУ.

Коллега: МГУ? А факультет?

Я: Соцфак.

Коллега: Соцфак? Да? А группа какая у Вас?

Я: Группа? 303.

Человек: Николай Николаичу позвони, он выяснит.

После этой фразы мы с А. просто рассмеялись. И фээсбэшники тоже.

А.: Наши фотографии вывесят.

Я: А вдруг мы вам наврали?

Человек: А это сейчас мы проверим.

Я: А как?

А.: Наши фотографии вывесят на соцфаке.

Человек: Андрюша!

Я: Нет. Ну правда. Из какой вы организации, — все еще не веря, спросила я.

Человек: Мы вам сказали, Федеральная Служба Безопасности.

Я: Понятно. Ну, значит, нам не о чем с вами разговаривать.

Человек: Что? Мы такие глупые?

Я: Ну нет. Нам нужно поговорить с теми, кто из общественных движений.

Человек: Они все там, — сказал коренастый мужчина и указал на молодого человека в розовой рубашке. — Есть вот с этой стороны. Есть вот с той стороны, вот. Из общественных движений вот какой-то представитель стоит.

Я: Спасибо.

Человек: По-моему из этого..., вот какая-то организация.

Мы подходим к парню в розовой рубашке.

А.: Здравствуйте. А можно вас спросить по поводу пикета?

Парень рассмеялся: Лучше не надо.

Я: Почему? А вы поддерживаете или против хотя бы?

Парень: Я ни там, ни там. Я занят другой работой.

Я: По-моему, они все...

А.: Они все? Они что? Над нами прикалываются?

Я: Да, — вдалеке посмеялись фээсбэшники, направившие нас к этому парню из «какого-то общественного движения». — Не смешно.

У А. зазвонил телефон, а ко мне подошла девушка К. из ЛГБТ rights.

Я: А, ну так вот. Мы же не договорили.

К.: Может быть, есть вопросы?

Я: Да, да, да. Расскажите мне поподробней о своей организации. Ну вы мне уже начали рассказывать.

К.: Ну да. Я организовывала гей-парад, так называемый, конечно. Это было не гей-парадом. То, что окрестили СМИ специально, чтобы дискредитировать нас в обществе. Официальное название Association «Pride» — это как бы акция для привлечения внимания к проблемам сексуальных меньшинств. В общем, не дали нам даже дойти до мэрии. Избили иностранных граждан фактически вот те люди, которые сзади стоят (имея в виду фээсбэшников). Не именно лично они. Конечно, не знаю, как вам удалось их расколоть, потому что они вам прямо заявили, что они из ФСБ.

Я: Да.

К.: На гей-параде их был целый вагончик. Их выпускали, они сажали в автобус, при чем в штатском и обратно сбегали.

Я: А почему пришла именно сюда поддержать?

К.: Ну это все звенья одной цепи. Потому что это все связано. (Кто-то начал петь песни.)

Я: Понятно. Спасибо. А кто это поет?

К.: Честно сказать, я не знаю его имени. Надо спросить у девушки. (Показывает на Л.). Ну из свободных радикалов. Тоже это движение в защиту всех прав и свобод.

Я: Ну удачи вам, на самом деле. Кстати, а можно какие-нибудь контакты?

К.: А вы откуда?

Я: Я с социологического факультета. Я просто исследую активистов. Вот. Мне очень интересно все это. Может быть, не знаю, там почту или...

К.: Ты знаешь, я вообще с журфака.

Я: Ааа, журфак. Ой, как замечательно. Может, тогда обменяемся телефонами или e-mail'ами?

К.: Да не вопрос.

Обменялись.

Я: Спасибо.

А. предложила опросить журналистов, которые обступили митингующих.

Я: Молодой человек, а вы из прессы?

Он: Да. Каспаров.ру.

Я: Ааа. Хорошо.

Он: Ну неплохо.

Я: Да. Расскажите нам, какое у вас отношение к этой акции.

А.: Дело в том, что мы социологи. Мы не пресса, мы не ваши коллеги, но мы социологи. Мы проводим исследование.

Он: Как Каспаров относится? Как сайт Каспарова относится?

Я: Ну вообще, как вы относитесь?

Он и его напарник: Никак мы не относимся. Они замкнуты. Никого к себе не пригласили. Соответственно, так акции не делаются вообще.

Я: Да? А вы бы пошли?

Он: Никаких договоренностей не было.

Я: Ну если бы вас пригласили?

Его коллега: Ну вы знаете, такая тема интересная. А пиарить какое-то там гей-движение — чушь. Зачем это?

Я: Гей-движение.

Он: Ну зачем это? При чем здесь это? Человек, что он выходит? Должен обязательно примазываться? Ценность как бы...

Его коллега: Весьма сомнительная идея. Коммунисты тут еще?

Он: У нас нет никаких притеснений их прав вообще. Там Бориса Моисеева по телевизору показывают. Там в Кремле выступает. Какие там притеснения?

Я: Так, может, это просто солидарность, они пришли просто поддержать ученых.

Он: Да, нет. Ну тут просто я считаю, люди ну не хотят они... вечный пиар движения. Поэтому такое все малочисленное. И неинтересное,

и скучное. Хотя тема она, конечно, богатая. Отличная тема, на самом деле.

Его коллега: Для работы там.

Я: А как вы думаете, пикет сегодняшний что-то изменит или нет?

Он и его коллега посмеялись: Ну, нет.

Его коллега: Такой пикет...

Он: Смотря, что еще пресса напишет.

Я: Ага. Ну смотря, что пресса напишет. А пресса может что-то изменить?

Он: Ну при чем здесь это?

Его коллега: У нас все настолько неадекватно, ну я не верю, что адекватно, как секта скорее. Какие-то экзотические там действия. 10 человек. Как клуб какой-то.

Я: Спасибо большое.

Мы переместились в другое место.

Я: вы поддерживаєте?

Мужчина: Мы работаем тут.

А.: Работаете?

Мужчина: Да, работаем.

А.: Ой, какая жалость. Тут пришли люди поразвлекаться, а вы работаете тут.

Я: Ну а хотя бы как люди?

Мужчина: Для кого-то развлечения, для кого-то работа.

Я: Ну а науку вы поддерживаете?

А.: Ой-ё-ей. Как тяжело на свете жить.

Мужчина: Мы не поддерживаем бестолковые пикеты.

А.: А почему бестолковые? Вы думаете, что они ничего не изменят? Нет? Не скажите? А если, допустим, вы находились бы не в официальной обстановке? Не на работе? Вы бы все равно..?

Мужчина: вам смешно? Вы издеваетесь?

А.: Нет. Я вас спрашиваю.

Мужчина: На меня это впечатления никакого не производит. Вообще никакого. Даже думать не хочется вообще.

Я: Спасибо.

Пикетчики начали кричать: «Россия светское государство».

Я подошла к женщине средних лет (40–45).

Я: А вы поддерживаете пикетчиков?

Она: Да.

Я: А вы представитель науки?

Она: Я представитель... я — работающий.

Я: А какой профессии?

Она: Ну как это сейчас называется? Бухгалтер? Мы же получается вообще работаем в бизнесе.

Я: А почему пришли именно поддержать?

Она: Я не пришла поддержать. Я просто здесь отдыхала после работы. И мне стало интересно, что здесь происходит.

Я: Ну и каково ваше мнение? Может ли такой пикет что-то изменить?

Она: Нет. Об этом говорить нужно. А где еще об этом говорить? Может быть и пикет, может быть и телевидение. Вот. Не знаю. Пикет ничего не сможет. По любой проблеме.

Я: Спасибо большое.

Я: Девушка, а вы как...?

М.: Я из «Новой газеты».

Я: А. Ну вот расскажите, что вы думаете по этому поводу?

М.: Я абсолютно поддерживаю этот пикет. Насколько это действительно, я не знаю. (Пикетчики начали кричать «Религию вон из школы» и ничего не слышно, что девушка говорит.) Я считаю, что это, прежде всего, величайший раскол и в обществе, и вообще. И что из него вырастет... Кто будет это делать, какие преподаватели, какие физиономии и рожи? Знаете, когда настраивают против человека, против ребенка, который имеет не тот цвет кожи весь класс, понимаете, это... я еще удивляюсь, что стою здесь. (Девушка с нерусской внешностью и смуглым оттенком кожи.) Вот. Ну я из «Новой газеты» и так думаю.

Я: А как вы думаете, может ли вот описание этой ситуации в прессе что-либо изменить?

М.: В прессе? Знаете, в прессе это может быть даже ожесточение среди люди. Некоторые неправильно к этому отнесутся, и некоторые не захотят в этом разобраться. В будущем они, может, неправильно к этому отнесутся, которые не хотят разобраться. Нормальные люди... А так, ну, думаю, да. Дело в том, что, знаете, сейчас в нашей стране единственное, как может управлять вот пока государством народ, только через прессу. Как-то пресса помогает. Это пока. Потом, может, Путин останется и тоже самое... Вот. Ну в общем, я думаю, это действительно в каком-то смысле, но может вызвать ожесточение и разные мнения. Вот. Но это, конечно, нужно устраивать.

Я: Ну, я думаю, наверное, будут какие-то прогосударственные... Как государство захочет, так и осветят. Нет?

М.: Государство захочет? Я думаю, что да, естественно. Но ему как бы, мне кажется, ему все равно.

Я: В данном случае все равно.

М.: Государство, знаете, оно в таком каком-то отдельном вакууме находится, где-то там под куполом каким-то, и до него не достучишься. И только прессой можно воздействовать.

Я: Спасибо большое.

М.: Пожалуйста. А вы откуда?

Я: Я с соцфака МГУ. Исследование веду.

М.: Да?

Я: Да. Это тот пресловутый соцфак.

М.: Вы знаете, я писала о вас статью.

Я: Да?

М.: Такую гадкую, гнусную.

Я: О чем?

М.: Вы знаете П. (активиста, участвовавшего в отдельных акциях на соцфаке)?

Я: Да.

М.: Ну, в общем, о питании. О социальном питании. Вы знаете, есть такая газета «Журналист» на журфаке МГУ.

Я: Какая, какая газета?

М.: Газета «Журналист» называется. Я закончила первый курс, и выпустили газету. И просто в первый день ловили ребят, которых там задержали около соцфака, которые раздавали листовки. И написали об этом статью. Об этом социальном питании. Ну на сайте журфака.

(Пикетчики начали кричать, и я не поняла, что хотела сказать девушка.)

Конечно, я считаю, что надо помогать людям. Скажите, вы там учились, там действительно плохо?

Я: Да, действительно.

М.: Там сын декана руководил столовой.

Я: Да. В смысле, вы писали плохо про соцфак?

М.: Я писала плохо про людей, которые плохо держали столовую и...

Я: А, понятно.

М.: И очень интересно было, когда мы проникли ночью там, вечером, когда ребят задержали, охранники там. И я сказала, что я из студсоюза, и, в общем, там (опять кричат)...

Мы обменялись телефонами. И решили с ней подойти поближе к пикетчикам.

Ребята начали выкрикивать лозунги: «Долой мракобесов!». «Долой средневековье!» Один из пикетчиков начал что-то петь.

Мы заняли небольшую часть пространства за митингующими. Ко мне подошла К. из ЛГБТ, которая указала мне на шныряющих между людьми фашистов. Посоветовала быть поаккуратнее. Она знала их в лицо по предыдущим акциям. По словам К., фашист в красной футболке бил девушку в лицо и орал, что его бьет лесбиянка. Потом ему стало стыдно, и он уже начал орать, когда все подбежали, что наших женщин бьют.

А.: Они, наверное, на мою внешность не очень будут реагировать, если я их буду опрашивать.

К.: Да, не надо их опрашивать. (А. с К. посмеялись.)

Я: Ну, я думаю...

К.: Они на любую внешность так реагируют.

Я: Да? Ну, я думаю, что я еще, наверное, похожу, поспрашиваю. Ну...

А.: Я тебе написала про этих уродов, что они кричали.

Я: Про кого? Про фашистов?

А.: Про этих неадекватных.

Я: Хорошо. (Из записей А.: Фашисты кричали: «Смерть жидам и педерастам!» «Смерть атеистам!»)

А.: Они вообще...

К.: С лозунгами. Вон там «шестерочка» красного.

Я: Мг.

Я подошла к человеку с бородкой, в очках, на нем была желтая жилетка-безрукавка.

Я: Здравствуйте, вы журналист?

Журналист: Да. Вы тоже.

Я: Нет. Я с соцфака МГУ.

Журналист: Агентство «Прима Д...» (не понятно название). Primagrad....ru.

Я: Как вы думаете, может ли данный пикет что-то изменить?

Журналист: Я, конечно, не очень надеюсь. Здесь все-таки..., не разглядел, есть ли здесь какие-то иностранные журналисты. Но в любом случае, надо стараться что-то сделать.

Я: А вы вообще поддерживаете инициативу?

Журналист: Да. Я поддерживаю. Еще раз повторяю, я здесь как журналист, но я поддерживаю.

Я: Понятно. Спасибо большое.

Журналист: Вы знаете, мы об этом не писали, было просто невозможно. Вот то, что пишут на сайте, не помню, как он называется, с вашего факультета, это правда?

Я: Да.

Журналист: А удалось что-то сделать?

Я: Сложно сказать. Ну как. Вроде там набор немножко сократили, платных мест немного убрали. Но все равно...

Журналист: Столовую там...

Я: Столовую сделали дешевую. То есть она была очень дорогая, там просто баснословные цены были. Сейчас, конечно, лучше столовую сделали. Но образование, конечно, по-прежнему плохое. Образование очень плохое. Вот. Ну это действительно так.

Ну спасибо большое.

Журналист: Вам тоже спасибо.

Высокий человек в очках и что-то у него было с лицом, какое-то рябое.

Я: А вы как? Поддерживаете?

Океанолог: Да, поддерживаю.

Я: А вы из какой-то организации? Или просто пришли?

Океанолог: Я... Вообще я из организации. Но в данном случае я здесь как старший сотрудник Института Океанологии Российской Академии Наук. Кандидат наук, поэтому поддерживаю пикет. Да, в целом.

Я: А вот из Академии Наук вы с людьми разговаривали? Они поддерживают?

Океанолог: Вы знаете, большинство разумных, да. Но, к сожалению, вот этот традиционализм, им охвачены вот близкие мне, я математик, математики, даже физики точных наук, к сожалению, вот каким-то рационализмом тоже охвачены. Это может быть из-за следствия таких коммунистических остатков. Дело в том, что многие ученые, особенно пожилые, они придерживаются как бы такого коммунистического прошлого. Но не коммунистического в смысле такой какой-то марксистской идеи, а коммунизма, окрашенного национализмом, традиционализмом, и в том числе вот... Конечно, до таких крайностей, ну типа привлекать к суду без.., я таких сочувствующих лиц не слышал, но, к сожалению, надо сказать, что академические круги далеко не всегда держат планку на уровне. И это я говорю про естественников, про естественные. Там, за историков, философов и прочих говорить не приходится. К сожалению, надо сказать, что сами, самих в ученом стане такого единства этому нет.

Я: А из ученых мало кто пришел? То есть у вас есть знакомые здесь?

Океанолог: Нет. Я здесь знакомых, ну, может быть, кого-то я здесь видел на митинге, когда была защита Ходорковского, иногда есть знакомые лица.

Я: Про ученых Вы? Да?

Океанолог: Нет. Не про ученых. Из участников пикетов. Нет, ученых я никого не слышал. Ну я и сам об этом, собственно, сегодня утром только узнал случайно. Информации о пикете, в общем-то, не было. Ну вот. Надо сказать, что вряд ли бы ученые пошли бы на этот митинг. Они, как правило, не сторонники вот таких каких-то...уличных каких-то акций.

Я: А почему? Вы можете объяснить?

Океанолог: Почему? Ну опять-таки это старшее поколение, некая инертность. Потом, так сказать, в стане академических кругов есть большая такая некая апатия политическая, недоверие. Вот. Политическое... всем силам. И, как правило, политически это не очень активные люди. По моим наблюдениям.

Я: Понятно. А как вы думаете, вот эта акция изменит что-нибудь?

Океанолог: Ну, конечно, акция одна ничего не изменит, но эта акция непременно нужна, потому что, когда идет шквал голосов, все говорят за, за, за проведение. То один голос против — это значит очень многое. Да? Вам известно, что когда Гитлер пришел к власти, так сказать, было единодушие, он был поддержан, но был некий фон, который был против. Они ничего не изменили, они, в общем, попали в концлагерь. Но тем не менее сейчас для современных немцев очень важно, что в те времена какие-то остатки людей были, которые говорили, что была другая Германия. Да, была фашистская Германия, но была и та Германия, которая в Гитлера не верила. Поэтому любой такой голос он совершенно необходим, чтобы не создавалось такого сплош-

ного... Тем более сказать, что к чести организаторов, они выступают за непопулярные меры. Понимаете, призывать к всеобщему равенству значительно легче, чем призывать то, ... за что большинство населения реально выступает.

Я: Понятно. Спасибо.

Океанолог: Да не за что.

Встретились с А. Рассказала немного ей про то, с кем она говорила. А мне рассказала про фашистов.

Подходит противный мужчина. Сам задал вопрос первым.

Боровиков: А вы кого представляете, если не секрет?

Я: Я вообще исследую. Я социолог.

Боровиков: А вы? — задал вопрос журналисту с камерой.

Журналист: Я New Times. Можно просто в общем ваше все видение.

Боровиков: Видение насчет данного вопроса или...?

Журналист: Насчет этого в общем.

Боровиков: Ну что я могу сказать. Данное мероприятие собрало деструктивные силы нашего общества. Конкретно экстремистские организации, которые... в том числе в задачу которых входит и свержение правительства и так далее. Они просто, так сказать, используют те наболевшие проблемы в обществе, которые вызывают какие-то... какую-то реакцию, какие-то споры в обществе и так далее. Они решили воспользоваться моментом и, так сказать, устроили вот эту акцию. В том числе мы можем видеть здесь представителей, которые поддерживали гей-парад и так далее. То есть ярко выраженное объединение, коммуна либералов. Вот эта вся та самая деструктивная, враждебная России сила, которая старается здесь как бы взбаламутить, организовать оранжевую революцию и так далее. То есть это те самые силы, которые враждебны нашему правительству и главное нашей нации. Наша задача, наша цель — мы поддерживаем, безусловно, введение в школах основ православия. Наша задача вот именно воспитывать новое поколение, поколение русских людей, которые помнят своих предков, свою традицию, свою веру, только православие как структура, какая-то социальная структура, она еще пользуется доверием в нашем народе. Все уже, как говорится, себя дискредитировало. И только православная церковь она остается с какой-то надежной и какой-то опорой, с ее идеологией, вот именно с религией человек может расти дальше и идти вперед и строить свое государство, а не только разрушать. Коммунисты, атеисты, что они делали? Разрушали, они первым делом только разрушали. Весь мир насильем разрушить, а затем мы что-то построим. Они ничего так построить не смогли. Строили на своем научном атеизме. Это все заканчивалось чем? Просто об этом молчали. Они об этом все знают. Поэтому здесь так и мало, потому что нормальные люди на такие мероприятия не ходят. Понятно, что когда уничтожались миллионами наши соотече-

ственники, когда уничтожалась наша культура, что часто было при жутком царском режиме там, темное средневековье там и так далее, когда мы потеряли своих столько. Сегодня это возрождается, а их это не устраивает. Хотят, чтобы наш русский народ, опираясь на сегодняшние идеи плюрализма, либеральные ценности, чтоб у нас демократия была. Все это слова. Не более того. На самом деле, они хотят устроить революцию, переворот. И никаких возможностей в нашей России, дорогой, любимой России, великой, могучей и сильной нации. Так что довольно. Долой деструктивное тело. Скажем так. Именем православной церкви.

Этот Боровиков долго говорил. Эта запись была на заднем фоне. А я успела пообщаться с фашистами во время его речи, но эти люди не признались, что они придерживаются фашистских взглядов.

Я: А вы поддерживаете акцию? Или как? Что вообще думаете по этому поводу?

Фашист в куртке цвета хаки: Я ничё не думаю.

Я: Ничего не думаете? Ну как? Зачем тогда пришли?

Фашист в куртке цвета хаки: Просто так посмотреть.

Я: Посмотреть? Ну хотя бы, не знаю там, поддерживаете православие? Или наоборот?

Фашист в куртке цвета хаки: Православие. Да.

Я: Вы православный вообще?

Фашист в куртке цвета хаки: Да.

Я: То есть вы считаете, что не очень хорошая акция? Или хорошая?

Фашист в куртке цвета хаки: Да. Нехорошая.

Я: Нехорошая?

Фашист в куртке цвета хаки: Нехорошая.

Я: Почему?

Фашист в куртке цвета хаки: Отрицают все, что было раньше. То, что при коммунизме.., тоже сапоги.., много народа кричало. Просто на просто русский народ истребляли коммунисты. Истребляли, истребляют и будут истреблять.

Я: А вы вообще каких взглядов? То есть на политическом спектре: левые, правые?

Фашист в куртке цвета хаки: Больше к правым.

Я: К правым. Да?

Подошел второй фашист в красной футболке.

Я: А вы каких придерживаетесь взглядов? Левых? Правых?

Фашист в красной футболке: Правых.

Я: Правых, да? А вы акцию поддерживаете или нет?

Фашист в красной футболке: Нет.

Я: Нет? А почему?

Фашист в красной футболке: Как почему? Как я могу поддерживать акцию, которая против веры моих предков?

Я: вы православный.

Фашист в красной футболке: Да. Я мало того, что православный. Я дворянин. Мои предки, большинство предков служили в императорской гвардии. Сам я являюсь членом «Памяти», членом ДПНИ¹.

Я: ДПНИ? А еще в каких-нибудь организациях состоите?

Фашист в красной футболке: Нет.

Я: Понятно. Спасибо.

Этот Боровиков закончил говорить.

Я: А вы из какой организации?

Боровиков: Национально-патриотический фонд памяти. — Мне было очень неприятно с ним разговаривать, хуже, чем с фашистами. (Возможно, я бы не упомянула это, но в данном случае это важная ремарка. Он дотронулся рукой до моей спины. Сразу щелкнуло в голове. Социальная практика, манеры, поведение.)

Я: Понятно.

Боровиков: А вы что, хотите взять у меня интервью?

Я: Если вы оставите телефон, то да.

Боровиков: Да, конечно. (Продиктовал телефон.)

Я: Как вас зовут?

Боровиков: Георгий Боровиков. А как вас зовут?

Я: Декабрина.

Боровиков: Кого вы представляете?

Я: Я социолог.

Боровиков: Очень приятно. (Еще раз дотронулся до меня.)

Хорошо, что к нам подошел милиционер.

Милиционер: Боровиков Георгий?

Боровиков: Можете называть меня так. Будем знакомы.

Я: Вы знаете его?

Милиционер: Нет, только сейчас познакомились.

Боровиков: Хотя где-то виделись, безусловно. И по телевизору виделись.

Я: А вы как поддерживаете или против? — спросила я у милиционера.

Милиционер: Мы — вне политики.

¹ Я просто за день до этого залезла на сайт ДПНИ и почитала их статьи и документы. Все мое естество и все мои представления, возможно даже пока еще смутные о социальном универсуме, противоречили тому, что было написано в этих текстах. Мне их было просто неприятно читать, и почему-то у меня вырвалось нецензурное слово. Как раз из той же оперы, что и про сторонников смертной казни. Весь тот социоанализ, что проделан в статье «Личное дело декана» (А.Бикбов), можно применить к статьям ДПНИ. Что и будет по своей сути развеянием мифа о социальной действительности, которая «существует лишь как конструкт», а не как некая, не зависящая от представлений агентов «вещь».

Боровиков: Ну как человек, он может и поддерживать, но это он вам скажет, если получится, то в другой форме. (Противно засмеялся.) В каком-то другом ракурсе, другом формате.

Милиционер: Иначе, если мы начнем примыкать к разным течениям, то это чревато.

Боровиков: Это главное объединение всех здоровых сил.

Милиционер: Да.

Боровиков: А не вот таких деструктивных элементов.

Милиционер попытался поспорить: Ну у нас демократическое общество. Если не нарушили конституцию можно проводить.

Боровиков: Конечно, все можно. Но надо какие-то границы поставить. Но об этом потом. (Ушел)

Я: А если честно?

Милиционер: Нет, конечно. Я ничего не могу сказать. Мы же милиция. Мы – вне политики.

Я: Ну а как человек?

Милиционер: Как человек. Когда буду в рубашке, тогда, может быть, скажу какое-то свое мнение.

Я: А они из каких организаций? Говорят, что вот эти вообще какие-то фашисты. Вы не знаете?

Милиционер: Не беспокойтесь. Мы здесь. Вникайте, общайтесь.

Я: Я социолог, веду исследование.

Милиционер: Ну правильно.

Я: Спасибо большое.

Милиционер: Успехов вам.

Я: Вам тоже.

Пикетирующие начали кричать снова: «Религии не место в государственной школе». Подошла А.

Там еще батюшки пришли. Только я не помню, когда это произошло. Их обступили телевизионщики. Противники пикета стали выкрикивать: «Слава Христу. Смерть антихристу».

Я: А вы журналист?

Журналист: Да.

Я: А что вы думаете по этому поводу? Я социолог.

Журналист: Социолог. Ну Вы, знаете, достаточно интересный пикет, поскольку здесь представлены две точки зрения. Обычно на пикете представлена одна. Что касается в целом повода, то, я думаю, что да, религии действительно не стоит проникать в науку, поскольку ну история показывает, что это к достаточно печальным итогам приводит. И даже современная история. Возьмем Гробового, например. Это своего рода религия. Такая позиция.

Я: А вы из какой-то газеты?

Журналист: Нет. Я с радио. С Сити-фм.

Я: А. Спасибо большое.

Журналист: Пожалуйста.

Там все столпились около батюшек. Их было, кажется, двое. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь, но все слушали священнослужителей.

Мужчина (фээсбэшник, с которым мы разговаривали в начале): Вы хотите кого-то опросить?

Я: Да.

Мужчина: Кого же?

Я: Но все слушают. Пойду поговорю с теми, кто не слушает.

Мужчина: А я?

Я: Я с вами могу поговорить. Но с вами не интересно. Вы нейтральная сторона.

Мужчина: Я? Кого нужно поддержать? Давайте я кого-нибудь поддержу. Кого?

Я: Кого хотите. Не знаю.

Мужчина: Ну давайте я поддержу тогда синий флаг.

Я: Синий? А это кто такие?

Мужчина: Не помню. Они радикалы какие-то.

Я: А. Радикалы.

Я продвинулась в сторону митингующих с левого края. Там стояла какая-то пожилая женщина с красным флагом КПРФ.

Пожилая женщина: И в армии сейчас священников насаждают.

Я: Вы против?

Пожилая женщина: Я против религии. Причем активно против.

Я: А вы представитель науки?

Пожилая женщина: Я представитель партии, с одной стороны, с другой стороны, я учитель.

Я: Вы не могли бы...?

Пожилая женщина: Могла бы.

Я: Я хотела бы у вас интервью взять. Я просто исследую партии. Вы мне оставите контакты. Я вам позвоню потом. А потом встретимся.

Пожилая женщина: Пожалуйста... Меня зовут И.М. Мой домашний. А вы откуда?

Я: Я с соцфака МГУ. Я просто исследование веду.

И.М.: А. Ну понятно. Это хорошо. С истфака?

Я: Нет. Я с социологического.

И.М.: С соцфака.

Я: Да.

И.М.: Мой телефон *****. А зовут вас как?

Я: Декабрина. Я вам позвоню.

И.М.: Хорошо.

Я: Спасибо.

Потом А. и я разговаривали с Б. После этого решили подойти к другим журналистам.

Из кучи пикетчиков и их противников раздавались выкрики «Все мы произошли от Дарвина!» «Не убий!»

Я: Вы журналисты?

Журналист-нахал: Нет. Зеваки. Вот камеру украли. 70 тысяч баксов. Возьмете?

Я: Нет.

Журналист-нахал: Ну, а чо так? Журналисты вон там все столпились.

Я: А Вы? — я спросила у девушки.

Журналист-нахал: И она тоже пришла со мной. На свидание.

Я: Хорошо. Как вы относите...? — перебил.

Журналист-нахал: С какой целью интересуетесь?

Я: А. Веду исследование социологическое. Как вы относитесь к проходящему пикету?

Журналист-нахал: У нас одно отношение: поскорей бы все закончилось.

Я: А вы из какой газеты?

Журналист-нахал: Из газеты, газеты. Папарацци.

Я: Ну хорошо. Ну откуда вы в общем? Скажите, пожалуйста.

Журналист-нахал: Смотри. Телефон мобильный нужен?

Я: Нет, не нужен. Какой телевизионный канал?

Журналист-нахал: Вот написано. Такая в очках стоит, но ничего не видит. К окулисту!

Я: Почему вы такой грубый?

Журналист-нахал: Не, ну вы издеваетесь над нами? Вы нас просто за идиотов держите? На самом деле, так объясню. Работу мы свою любим, но такие мероприятия — не очень.

Я: А почему?

Журналист-нахал: Да потому что бардак.

Я: В смысле бардак? То есть не организовано?

Журналист-нахал: Нет. Не в этом дело. Просто неизвестно, чё делается. О чем вообще речь идет?

Я: Ну они там..., — перебил.

Журналист-нахал: Кто-нибудь про академиков-то вспомнил? Что они собрали-то у Академии Наук-то? А я вам скажу, как опытный человек. Скажу. Значит, люди вот эти вот педики и лесбиянки, пользуясь моментом, вычитали в Интернете, что какая-то хрень должна якобы происходить около, значит, Академии Наук. И сейчас уже идет реальный разговор за гомосексуализм, и почему религия против этого. А про академиков все забыли. Мы пригнали сюда тарелку. Включаться не будем, потому что темы нет. Все в корзину.

А.: Короче время зря потратили.

Журналист-нахал: Молодец. Точно. А мне красноперая больше нравится. (Это он о пожилой женщине с красным флагом КПРФ). Эти везде. Эти везде. (Посмеялись.) Будет митинг против коммунистов, она по запаре придет и будет махать флагом. Только часа четыре спустя она поймет, что митинг против коммунистов. Свернет, но будет уже поздно. Хорошо. Кто у нас тут? «Ющенко наш президент». Дама тут орала. Что не слышали?

Мы с А. в один голос: Нет.

А.: Мы слышали, что смерть каким-то там афганам.

Журналист-нахал: А другая дама орала «Ющенко наш президент».

А.: Да вы что?

Журналист-нахал: Та попутала просто. Там ссы в конец. Бедолага. Вот видите, вон человек стоит с флагом.

А.: Да.

Л.: Это М.Н. (активист).

Журналист-нахал: Вот он один из главных. Он вообще от этого события абстрагировался.

Я: Спасибо большое.

Журналист-нахал: А вон там что такое? «Нет...» Чему? (Вглядывается в значок у девушки) Что у нее на значке написано?

А.: «Нет войне».

Журналист-нахал: Щас еще зеленые подкатят.

Мы все засмеялись, потому что Л. была одета во все зеленое и является членом Greenpeace.

А.: Работа такая о профессиональном цинизме.

Журналист-нахал: Да, кстати, сказали, что через... О! Уже должны быть. Те, которые у посольства латвийского. Которые за солдата этого. Как его? Эстонское. Как солдата звали? За памятник солдата щас еще подтянутся люди. Интересней будет. Они не знают, что все уже перезахоронили. Что памятник уже сюда притаранили. Они все знают.

А.: А куда они его притаранили? В Академию Наук что ли?

Журналист-нахал: В Россию.

Л.: Памятник? В России?

Журналист-нахал: Да. Там у них стоит фуфляк этот. Как его? Картонный. (Еще раз посмеялись.)

Выкрики из места скопления народа: «В России психическое заболевание!»

Журналист-нахал: Что будем делать-то?

Я: Я смотрю, работа очень интересная у Вас.

А.: Интересно стоять с камерой, с микрофоном просто так. А почему вы батюшку не снимаете? Он же говорил и говорил.

Журналист-нахал: Иди сюда. (Подзывает А. к камере.) Пока вы тут нас опрашивали, у нас тут батюшка уже тынч-тынч-тынч, вот раз, вот он. Этот батюшка 31–26: 7 минут это так где-то.

А.: 7 минут этого батюшки. (Мы все посмеялись). Батюшка в кино. Звуки из толпы «до 17 года», «Она возродится. Она будет такой».

Милиционер, через громкоговоритель: «Уважаемые Граждане, время пикета закончилось. Прошу покинуть площадку. Спасибо за внимание».

После этого мы все вместе направились к метро. Вместе с теми, кого мы с А. знали. Вообще я чувствовала какое-то напряжение. Иногда страх. Сначала не могла подойти к фашистам, но потом пересилила себя. Этот пикет был совсем другим по сравнению с пикетами, организуемыми «Вперёдом». У вперёдовцев пикет — это как тусовка, причем интеллектуальная, просто приходят провести время, посмеяться. Ты знаешь, что ничего не случится. А здесь мне было как-то не по себе, и чувствовала я себя беспокойно. Но зато, какой материал получился. Это стоило того.